

На рубеже

5•1964

Э. КАРХУ

ТВОРЧЕСТВО ЛЕРМОНТОВА В ФИНЛЯНДИИ

В истории малых народов часто бывало так, что их знакомство с выдающимися произведениями мировой классики становилось для них как бы пробным камнем зрелости их собственной литературы и превращалось в важную веху ее развития. Так было в Финляндии с Шекспиром и Гейне, Ибсенем и Золя, Тургеневым и Толстым. Так было и с творчеством Лермонтова.

Первым русским романом, изданным в Финляндии, был «Герой нашего времени». Книга вышла на шведском языке в 1844 году в переводе О. Мермана, преподавателя русского языка в Хельсинки. В ту пору шведский язык еще преобладал среди образованных людей Финляндии, на нем развивалась преимущественно и сама финляндская литература. Немного раньше Мерман перевел несколько повестей Марлинского и «Капитанскую дочку» Пушкина.

Переводчик находился в близких отношениях с русским ученым Я. К. Гротом и П. А. Плетневым, поэтом и критиком, редактором журнала «Современник», основанного Пушкиным. Грот в то время был профессором русской словесности в Хельсинкском университете и поддерживал дружеские связи со многими финляндскими литераторами, печатал в «Современнике» статьи о финнах и их культуре. Интерес к стране питал и Плетнев, известный, в частности, как автор статьи «Финляндия в русской поэзии», которая была опубликована в совместном русско-финляндском альманахе.

Идею познакомить финнов с «Героем нашего времени» подал именно Плетнев в одном из своих писем к Гроту. И хотя вскоре отношение Плетнева к творчеству Лермонтова изменилось — в ходе обострения идейно-литературной борьбы в России он постепенно правед, — однако роман был переведен. Для написания предисловия Мерман ездил к Плетневу даже в Петербург и получил через него необходимые критические материалы, появившиеся в то время в русских журналах.

Одним из главных пунктов разногласий

в оценке романа Лермонтова русской критикой был, как известно, вопрос о том, являлся ли Печорин истинным «героем нашего времени», был ли он порожден русской действительностью.

Реакционная критика не признавала Печорина типичным представителем русской дворянской интеллигенции последекабристского периода, утверждая, что автору романа этот образ был навеян Западом. Шевырев, например, писал, что Печорин «не имеет в себе ничего существенного относительно к чисто русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов».

Белинский же считал, что в Печорине воплотился «критический дух века», что творчество Лермонтова было «новым звеном в историческом развитии нашего общества». Исходя из того, что в скептицизме и томительном бездействии Печорина отразилось умонастроение незаурядного человека в эпоху николаевской реакции, Белинский отмечал характерное для героя романа «переходное состояние духа, в котором для человека все старое разрушено, а нового еще нет и в котором человек есть только возможность чего-то действительного в будущем».

В какой-то мере это различие оценок «Героя нашего времени» проявилось и в финляндской критике. Правда, переводчик в своем предисловии несколько сузил общественное содержание романа. Говоря об отсутствии у Печорина твердых убеждений, Мерман объяснял это порочностью современного образования и в этом отношении близко подходил к Шевыреву. Но в главном вопросе он разошелся с ним, заявив, что скептицизм Печорина — не заимствованный «внешний наряд», но составляет сущность его природы и вместе с тем характерное явление времени. С этой точки зрения Мерман и рекомендовал роман финляндскому читателю.

Зато рецензент газеты «Гельсингфорс Моргонблад» объявил роман «никчемным»

под тем предлогом, что финляндским читателям он якобы совершенно чужд. Повторяя вслед за Шевыревым, что Печорин — один из героев «гнилого Запада», рецензент вопрошал: «Но где можно найти подобных людей у нас в Финляндии, в этой простой и полной жизненных сил стране? Здесь, как мы надеемся, такого рода сочинениям не будет успеха».

Эта категоричность простекала из ложной уверенности рецензента в незыблемости полупатриархальных нравов в Финляндии, тогда еще отсталой стране. Он не мог допустить и мысли о том, что трагедия незаурядной личности, вступившей в конфликт с окружающей средой, может найти отклик и в финляндских условиях. Между тем, сходные коллизии в какой-то мере уже привлекали внимание некоторых финляндских писателей, стремившихся «возвыситься над убожеством своего окружения, но стесненных в своих действиях гнетущей политической атмосферой. Потребовалось много лет, прежде чем социально-критическое направление в литературе страны окрепло и стало в ней ведущим. Относительная незрелость демократической мысли в Финляндии в середине XIX века привела к тому, что под впечатлением ряда репрессивных мер самодержавия по отношению к финскому национальному движению в стране был временно утрачен интерес к русской культуре, возродившийся лишь значительно позже.

В восьмидесятые годы XIX века в финляндской литературе складывается направление критического реализма. Передовые его представители во многом опирались на опыт великих мастеров мировой литературы. В этот период финны как бы заново открывают для себя и русскую литературу, ее глубокий реализм, ее гуманистическое содержание. В Финляндии теперь с удивлением писали об открывшейся им художественной мощи русского реалистического романа, долгое время остававшегося малоизвестным за рубежом. Поражаясь этому неведению, один финляндский критик писал в 1887 году: «Кто в Европе — я уже не говорю десять-двадцать лет назад, нет, всего лишь несколько лет назад — мог подумать, что в славянском литературном мире, в России, которую принято было считать страной архимосковского варварства, реализм уже давно достиг такого уровня развития, которому даже наиболее передовые из цивилизованных народов не в состоянии противопоставить ничего равного».

Наряду с произведениями Пушкина

и Гоголя, Тургенева и Гончарова, Толстого и Достоевского финнов интересовало и творчество Лермонтова. Теперь его переводили не только на шведский, но и на финский язык.

Еще С. Суомалайнен в своих очерках о России, первый выпуск которых появился в 1878 году, обратился к поэзии Лермонтова. Описывая суровый быт казачества, частые военные походы, полубивуачный уклад их жизни, сказывавшийся и на воспитании детей, Суомалайнен привел для наглядности «Колыбельную казачью песню» Лермонтова. Насколько нам известно, это был первый перевод Лермонтова на финский язык.

В 1882 году вышел на финском языке «Герой нашего времени» в переводе Марти Вуори. Он же перевел и поэму «Демон», изданную дважды — в 1889 и 1911 году. Некоторые стихи поэта появлялись и в финской периодической печати, в частности, в альманахе «Нуори Суоми» (1903 год). В это же время переводами Лермонтова на шведский язык занимался в Финляндии Рафаэль Линдквист. В 1895 году журнал «Финск Тидскрифт» напечатал пятнадцать стихотворений поэта в переводе Линдквиста, а в 1904 году переводчик выпустил небольшую антологию «Из русской поэзии», включавшую и стихи Лермонтова.

На рубеже XIX—XX веков, в годы так называемой «обриковщины», когда царизм пытался методами военного диктатора задушить финляндскую автономию, учинить расправу над демократической печатью страны, поэзия Лермонтова вместе с творчеством других великих писателей воспринималась в Финляндии как голос борющейся России, как вызов силам реакции. Такому восприятию русской литературы в Финляндии во многом способствовал профессор И. Е. Мандельштам. С 1897 года он читал курс русской литературы в Хельсинкском университете, устраивал публичные лекции перед более широкой аудиторией, выступал в финской печати со статьями о демократических традициях русской литературы, участвовал в подготовке антологий финской поэзии на русском языке, сотрудничал в журнале «Финляндия». Он всячески способствовал укреплению русско-финляндских культурных связей.

В этот сложный исторический момент представители передовой общественности в России и Финляндии, естественно, были обеспокоены тем, чтобы не допустить нового кризиса в культурном общении, подобного тому, который случился в сере-

дине XIX века. И цель эта была достигнута, силам реакции были противопоставлены другие силы.

Этим объясняется и тот факт, что лекции Манделштама о русской литературе получили в Финляндии широкий отклик, они публиковались в печати как на финском, так и на шведском языке. Одновременно в журналах «Валвоя» и «Атенеум» была опубликована, например, лекция на тему: «Русские писатели о силе свободного слова», включавшая стихи русских поэтов, в том числе Лермонтова, которые на финский язык перевел известный поэт Ларин-Кюэсти, а на шведский Арвид Мерне, в то время близкий к рабочему движению и сотрудничавший в рабочей печати.

В обстановке нарастающей борьбы против реакции финнам был понятен «железный стих» русского поэта, «облитый горечью и злостью». К этому времени и опыт развития самой финляндской поэзии, располагавшей свободлюбивыми стихами Векселля и Крамсу, Тавастшерины и братьев Лейно, подготовил почву для восприятия лермонтовской поэзии.

В двадцатые и особенно в тридцатые годы нашего столетия, когда в Финляндии усилилось фашистское движение, наложившее печать и на развитие культуры страны, знакомство финнов с прогрессивными явлениями в истории зарубежных литератур было сильно затруднено. Это было время, когда Льва Толстого в Финляндии обвиняли в содействии русской революции, а Шелли называли «большевиком». Ослабло и внимание к творчеству Лермонтова.

Переломный момент наступил лишь с окончанием второй мировой войны. После многих лет грубой антисоветской и антирусской пропаганды было удивительно, — как пишет в одной из своих книг Марти Курьенсаари, — увидеть на книжных полках Финляндии «Русскую музу», антологию русской классической и советской поэзии, подготовленную Л. Вильянемом вместе с В. Кипарским и вышедшую в 1946 году. В книгу вошло семь стихотворений Лермонтова и отрывки из его поэмы «Беглец». В предисловии составители отметили «большое значение политической, свободлюбивой лирики» Лермонтова, — признание тоже весьма симпто-

тичное, не часто встречающееся в финляндском академическом литературоведении. После войны, в 1959 году, в Финляндии вышло и новое издание «Героя нашего времени».

Наиболее полно на финском языке поэзия Лермонтова представлена в сборнике, вышедшем в 1947 году в Петрозаводске. Сюда вошли двадцать пять лучших стихотворений поэта и три поэмы («Беглец», «Мцыри», «Демон»). Все переводы принадлежат Армасу Эйкия. Этому финскому поэту-коммунисту, многие годы томившемуся в фашистских застенках и тяжело переживавшему трагедию своего народа, видимо, особенно близка лермонтовская поэзия глубоких раздумий и гражданского гнева. Переводчик открыл сборник индизнаказательным стихотворением пятнадцатилетнего Лермонтова — «Жалобы турка»:

Ты знал ли дикий край, под знойными
лучами,
Где рощи и луга поблекшие цветут?
Где хитрость и беспечность злобе дань
несут?
Где сердце жителей волнуемо
страстями?

И где являются порой
Умы и хладные и твердые, как камень?
Но мощь их давится безвременной
тоской,
И рано гаснет в них добра спокойный
пламень.
Там рано жизнь тяжка бывает для
людей,
Там за утехами несется укоризна,
Там стонет человек от рабства и цепей!..
Друг! Этот край... моя отчизна!

Быть может, для финского переводчика в этом стихотворении таилось вторичное иносказание — о его собственной родине, о Финляндии тридцатых годов, где распоясавшиеся лапуасы опутывали народ цепями фашизма. Во всяком случае близость к лермонтовской поэзии чувствуется и в собственных стихах Эйкия того периода, например в тех, которые были написаны им в тюрьме и вошли в сборник «Тюремная лира».

Вот уже более века мужественная поэзия гениального русского юноши волнует людские сердца в разных уголках мира, пробуждая ненависть к лжи и насилию, укрепляя мечту о разумной жизни на земле.

